

Лин Юньфэн смотрел на подол плаща, развевавшийся при каждом движении Вань Яо, когда она повернулась, чтобы уйти, и внезапно почувствовал горечь на языке. За всю свою жизнь он никому не доверял, кроме спин отца и братьев на поле боя. Теперь, когда его семья была уничтожена, а дом разрушен, он тем более не знал, кому может верить.

Однако в этот миг, глядя на силуэт, растворяющийся в ночной мгле, и слушая, как гулко, словно барабанная дробь, колотится сердце в груди, он вдруг поймал себя на мысли, что хочет поверить.

Поверить в то, что она — небесная фея, способная сокрушить клетку, в которую загнали клан Лин. Поверить, что она пришла их спасти, и что те несправедливые обвинения, пропитанные кровью, однажды будут смыты.

Лунный свет за окном внезапно стал ярче, осветив его парализованные ноги, и холод отступил. Лин Юньфэн медленно разжал кулаки. Ладони, влажные от пота, оставили на деревянных подлокотниках кресла едва заметные следы.

Попробовать? Почему бы и нет?

Он тихо повторил эти слова, и сомнение в его глазах постепенно сменилось решимостью человека, идущего ва-банк. Даже если это сродни утолению жажды ядом или сделке с тигром — он хотел попытаться еще раз.

Не ради чего-то иного, а ради той искренней дрожи, что пронзила его прошлой ночью, ради тридцати семи поминальных табличек в фамильном храме, ради продолжения рода и ради того, чтобы... однажды встать на ноги и еще раз взглянуть на этот ясный, чистый мир.

Услышав продолжение, глаза Лин Юньфэна вспыхнули, словно две искры, раздуваемые ветром. Он впился взглядом в лицо Вань Яо. Отбросив мысли о божественном, он сосредоточился на скрытом смысле ее слов, и в его голосе прозвучала дрожащая нетерпеливость:

— Что именно имеет в виду Ваше Величество?

Боги богами, а сейчас его голову занимала одна мысль: император наверняка подсыпал ему яд, а у императрицы есть противоядие. Возможно, она даже хочет родить от него ребенка, чтобы через него держать клан Лин в узде и укрепить позиции наследного принца.

Хотя эта мысль казалась нелепой, она была самым логичным объяснением той безумной близости прошлой ночью. Его взгляд невольно скользнул к животу Вань Яо — плоскому и упругому, где, казалось, была спрятана надежда на выживание его рода.

Заметив, куда он смотрит, Вань Яо поспешно затрясла головой, словно погремушка, так что золотая заколка в виде феникса в ее волосах зазвенела:

— Нет-нет, ты не так понял. Я теперь императрица, как я могу просто так рожать детей? К тому же, тебя так долго травили, что повреждения уже въелись в кости, в ближайшее время ни одна женщина не сможет от тебя забеременеть.

— Тогда что вы имеете в виду? — голос Лин Юньфэна мгновенно упал, в глазах закипел подавленный гнев, а суставы пальцев так сильно сжали подлокотники, что дерево закрипело. Ей весело играть с ним? Если бы не крошечная искра надежды, он бы давно ушел. Но он подавил ярость и глубоко вонзил ногти в ладони — он не мог позволить себе проиграть.

Вань Яо сделала вид, что не заметила искр в его глазах, и ответила так легко, словно говорила о погоде:

— Я имею в виду, что ты должен родить сам.

— Абсурд! — Лин Юньфэн резко повысил голос, кресло качнулось, а мышцы под парчовым халатом напряглись, как железные пластины. — Как мужчина может родить? Ваше Величество, вы решили поиздеваться над своим слугой?

Вань Яо внезапно достала откуда-то пилюлю. Она была ослепительно белой, окутанной тонким сиянием, словно кусочек лунного света, скатанный в шарик.

Покрутив пилюлю в пальцах, она заговорила с неземным спокойствием:

— Это пилюля деторождения из Небесного дворца. Обычной женщине достаточно принять ее за полчаса до или после близости. Но ты — мужчина, у тебя нет утробы. Чтобы выносить ребенка и остаться в живых, придется использовать мою духовную энергию. После соития я обволоку плод своей силой, создав защитную оболочку, и тогда ребенок сможет благополучно появиться на свет.

Логика была безупречна, но происходящее казалось настолько невероятным, что в голове у Лин Юньфэна стоял гул, словно там роились тысячи пчел. Он уставился на пилюлю, сглотнул, не в силах поверить, что в мире существует нечто настолько противоречащее здравому смыслу.

Видя его замешательство, Вань Яо приподняла бровь:

— Так ты хочешь ребенка или нет?

— Хочу, — выпалил Лин Юньфэн, и дрожь в его голосе невозможно было скрыть.

Как не хотеть? Он во сне мечтал о наследнике, который поднимет знамя клана Лин, который сможет предстать перед табличками предков и сказать: у рода Лин есть продолжение.

Вань Яо щелкнула пальцами, и пилюля закружилась у нее на ладони:

— Раз хочешь — будет. Но предупреждаю заранее: это деяние идет против законов природы, к тому же используется моя духовная энергия, так что на пол ребенка это повлияет. Родится только девочка.

— Девочка? — Лин Юньфэн замер, затем горько усмехнулся, и тень в его глазах немного рассеялась. — Девочка тоже подойдет. Можно взять зятя в дом, она точно так же сможет поддержать род. Но...

Он не успел договорить, как сомнение снова всплыло на поверхность — неужели в мире правда есть такое чудо?

Вань Яо прекрасно понимала его мысли, хотя сама про себя усмехалась: конечно, это выдумка, нет никаких настоящих пилюль деторождения. В мире совершенствующихся такие снадобья могут лишь поправить здоровье, но не гарантировать зачатие. У тех древних монстров, что живут десятки тысяч лет, чем выше сила, тем сложнее завести потомство. Разве небесный путь допустил бы такую дерзость?

В этой пилюле на самом деле были заключены души младенцев-девочек. Однажды она наткнулась на яму, где лежали тела утопленных и задушенных девочек. Их обида была так велика, что превратилась в черный туман, отравляющий все вокруг. Она не смогла пройти мимо, провела там три месяца, очищая души и запечатывая их своей энергией, надеясь однажды пристроить их в добрые семьи.

А пилюля — лишь удобная оболочка, чтобы крошечные души не развеялись. В конце концов, это была просто жалость одной девушки к другим.

Хотя она и хотела извлечь из этого выгоду, дело было не только в ней. Если души не пройдут через этот процесс, они так и останутся неприкаянными призраками. К тому же, она сама решила поучаствовать — пусть она не вынашивала ребенка десять месяцев, она станет для него кем-то вроде матери.

Когда ребенок вырастет и станет главой клана Лин, его заслуги и накопленная добродетель отразятся и на ней как на матери. Разве это не возвращение кармической удачи? И Вань Цзяну не придется совершать злодеяния. Сплошная выгода.

Вань Яо не стала утруждать себя объяснениями. Она подошла, наклонилась и одним движением подняла Лин Юньфэна на руки. Ее тело, закаленное целебными отварами, было куда крепче, чем у парализованного два года Лин Юньфэна. Она без труда понесла его во внутренние покои.

Лин Юньфэн покраснел, глядя на ее решительное лицо. Она казалась другой. Совсем не той ядовитой женщиной... Но возможно ли это?

Лин Цзянь и десяток братьев, дежуривших у дверей, остолбенели. Они переглядывались, не зная, стоит ли вмешиваться. Будучи воинами, они обладали острым слухом и слышали каждое слово императрицы.

Поверить — звучит слишком дико, но ведь они не могли помешать, а, возможно, должны были еще и благодарить. А если не верить — они все равно не могли остановить императрицу, тайно пришедшую к генералу, и должны были помогать скрывать это. В конце концов, кто поверит в то, что их генерал был принужден к этому, если он сам выглядит так, будто... впрочем, неважно.

<http://bllate.org/book/18849/1837693>